

**«ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
И «КОЛЯСКА» Н.В. ГОГОЛЯ**

Гоголевская «Коляска», опубликованная в «Современнике» в 1836 г., была воспринята критиком-современником «как шутка, хотя и мастерская в высочайшей степени», но «все-таки не больше, как шутка»¹. Между тем *шутка* эта вносит «в пространство пушкинского журнала», как и другие напечатанные здесь комические вещи писателя, «неповторимую смеховую культуру» и «образ абсурдной действительности»². В 1838 г. в «Современнике» появляется – под заглавием «Казначейша» и без подписи автора – лермонтовская поэма, особенностью которой тот же критик, отозвавшийся на журнальную публикацию, посчитал «рассказ веселый, остроумный»³. Но не только шуточный тон и остроумная развязка по-своему соединяют в журнальном пространстве два этих произведения, высвечивая общие для них черты смеховой культуры; обстоятельства публикации поэмы подтверждают, что абсурдная действительность не была лишь плодом гоголевского воображения.

В русской литературе существует «ряд реальных названий, символизовавших русский провинциальный город...»⁴. Таким названием-символом является, бесспорно, и название города, послужившего местом действия в «Тамбовской казначейше». Лермонтов не случайно вынес название города, исчезнувшее в первой публикации, в заглавие поэмы («Я был у Жуковского и отнес ему, по его просьбе, “Тамбовскую казначейшу” <...> сие будет напечатано в ближайшем номере “Современника”») ⁵ и, по словам И.И. Панаева, «был взбешен»⁶, обнаружив, с какими искажениями она была напечатана. В журнале название города не просто было убрано из заглавия поэмы, но и в тексте было заменено (или по требова-

нию цензуры, или по соображениям Жуковского, возможно, подвергнутого текст редакторской правке) буквой Т с точками⁷.

Подобное написание соответствовало литературной традиции, согласно которой провинциальные города «обозначались сокращенными названиями», причем «криптонимом мог быть обозначен и вымышленный город»⁸. Примером для Жуковского, если название сократилось в результате именно его редактуры, могла послужить хотя бы гоголевская «Коляска»: «Городок Б. очень повеселел, когда начал в нем стоять *** кавалерийский полк. А до того времени было в нем страшно скучно»⁹. Было отмечено, что с помощью топонимических криптонимов «...поддерживается иллюзия географической реальности в литературном произведении, которая, однако, в той или иной степени утрачивает свою определенность и конкретность»¹⁰. В лермонтовской «поэме о русской провинции»¹¹ такого рода иллюзию поддерживает как раз название реального города. Ведь в поэме все события происходят не где-нибудь, а именно в провинциальном Тамбове¹².

Там есть три улицы прямые,

И фонари, и мостовые...

<...>

Короче, славный городок¹³.

Л.В. Пумпянский в работе 1922 г., впервые опубликованной в 2000 г., заметил и подчеркнул, что у Лермонтова «...была особая способность к изображению провинции (“Казначейша”»¹⁴. Изображенный в лермонтовской поэме «русский провинциальный город» натолкнул исследователя на мысль, «не в родстве ли это с “Мертвыми душами” (строфа 18 – Гарин спрашивает трактирщика...)?»¹⁵ Признаки такого родства он обнаружил и в «Ревизоре»: «Въезд в мирный город – как будто чичиковская коляска (а тревога дам – как будто волнение матери и дочери в “Ревизоре”! и дам в “Мертвых душах”!)»¹⁶. Но почему-то обошел вниманием

«Коляску», чье родство с «Тамбовской казначейшей» позднейшим лермонтоведом показалось настолько самоочевидным, что они удовлетворились указанием на него, так и не дав более или менее развернутого сопоставления двух произведений.

Если с «Мертвыми душами» и «Ревизором» поэму Лермонтова сближает «ситуационное зерно»¹⁷, то к гоголевской «шутливой новелле, в основе которой простой анекдот», она близка, на взгляд комментатора, по самой своей «художественной природе»¹⁸. Есть здесь и перекличка сюжетных ситуаций, что было зафиксировано, но оставлено без подробного рассмотрения: «Ближайшим образом “Тамбовская казначейша” сходна с “Коляской” Гоголя, где имеется подробное описание провинциального времяпровождения, в которое должно внести какую-то перемену прибытие кавалерийского полка...»¹⁹.

Бросающиеся в глаза жанровая близость и сюжетно-тематическое сходство «Тамбовской казначейши» и «Коляски» не стали до сих пор предметом специального изучения. Внешние наблюдения, которыми ограничились исследователи, не дают ответа на вопрос, ощутим ли в лермонтовской поэме семантический след гоголевской повести²⁰. Оговоримся, что речь идет не о «влиянии», а о таком историко-литературном явлении, как «случаи творческих соприкосновений», которые «наиболее интересны, — но и трудны для изучения»²¹.

Гоголевский городок Б. лишен индивидуального имени и представляет «некое множество однородных объектов», что «соответствует мифологизированному образу провинции»²²; показательная неопределенность литературного топонима, отражая мифологизацию провинции, актуализирует в гоголевской *шутке* связь с традициями сказочного повествования²³. Сюжет «Коляски» — с характерным для него набором «анекдотических ситуаций»²⁴ и анекдотической логикой событий — не случайно провоцирует

значимые ассоциации с анекдотической сказкой, действие в которой обрывается набором абсурдных парадоксов²⁵.

«Тамбовская казначейша», если сопоставить ее с локальными текстами «...о некоторой определенной местности, имеющей общее, не местное значение»²⁶, у которых своей поэтики нет²⁷, отличается оригинальной поэтикой. Сближает же лермонтовскую поэму с локальными текстами явно выраженная «мифологизация пространства»²⁸, когда образ реального города воспринимается как мифологическое место²⁹. Рассказанная Лермонтовым история могла случиться только в такого рода месте; потому так существенны в поэме, что типично для «территориального» текста, который «“любит” называть сам себя»³⁰, и повторы названия города, и его топографические приметы (в четвертой строфе упоминается, например, река Цна), и мифологически окрашенные реалии.

Б.М. Эйхенбаум указал на значимые для лермонтовской поэмы признаки комического стиля: «Простой анекдот из жизни уланов в Тамбове превращен в целую новеллу – с подробными описаниями быта, наружности, с характеристикой героя и т.д.»³¹. И быт, и герои с их наружностью и характеристиками действительно будто вырастают из бытового анекдота, привязанного к конкретному месту и развернувшегося в новеллу как раз благодаря этому месту. При этом «Тамбовская казначейша», подобно «Колыске», сохранила жанровое ядро анекдота: предмет повествования оказался чисто анекдотическое происшествие, столь же сугубо анекдотическим, что и финал гоголевской повести, выглядит и финал поэмы, подчиненный закону пуанты³².

Прошу послушать эту сказку!

Ее нежданную развязку

Одобрите, быть может, вы

Склоненьем легким головы (2, 411).

Ср.: «“Тамбовская казначейша” должна была восприниматься читателями как еще одна обработка анекдотического сюжета»³³. Причем не просто анекдотического сюжета, но сюжета анекдотической сказки, узнаваемой по «комической направленности, заостренности, парадоксальности» и выстроенной как «серия коротких эпизодов»³⁴. Однако «характер и глубина» подобной обработки могли существенно отличаться и приводить «к различным результатам»³⁵. Отношение читателей к рассказываемой «сказке», развязка которой придает ей черты генетически связанной с анекдотом новеллы³⁶, предполагается столь же *легким*, что и *склоненье* головы. Вызывая, подобно «Коляске», столь же значимые, что и у Гоголя, ассоциации со сказкой-анекдотом, лермонтовская поэма оборачивается такой же *мастерской шуткой*, как и гоголевская повесть.

К числу «общих мест», на которые опирается «семиотика» провинциального города³⁷, относится представление, что в провинциальном мире «нет событий», так что время «кажется почти остановившимся»³⁸. Ср.: «Гоголевская провинция – пространство, где само по себе ничего не меняется и не происходит»³⁹. Провинциальная топика включает в себя и представление о контрасте бессобытийного существования «...с тем оживлением, с той возможностью и ожиданием любовных интриг, которые военные вносят в провинциальную жизнь»⁴⁰. По наблюдениям Ю.В. Манна, «...в “Коляске” все протекало циклично, в порядке повторения одних и тех же бываний, до тех пор пока не возникла посторонняя сила» в виде кавалерийского полка, сыгравшего роль нарушившего равновесие «внешнего толчка»⁴¹.

Ср.: «Но как начал стоять в уездном городке Б. кавалерийский полк, все переменялось. Улицы запестрели, оживились, словом, приняли совершенно другой вид. <...> Офицеры оживили общество...» (III, 178). Схожая картина нарисована и в «Тамбовской казначейше»:

Вдруг оживился круг дворянский,

Губернских дев нельзя узнать, –
Пришло известье: полк уланский
В Тамбове будет зимовать (2, 412).

И с городком Б., и с Тамбовом происходит чудо оживления (то есть выхода из состояния скуки и апатии, наполненности возбуждением и движением⁴²), вызванное в первом случае размещением кавалерийского полка, а во втором только известием об ожидаемом прибытии полка уланов, порождающим у *губернских дев* мечты о радостных переменах в их скучной жизни:

Уланы, ах! такие хваты...
Полковник, верно неженатый,
А уж бригадный генерал
Конечно, даст блестящий бал (2, 412).

Гоголевский городок, оживленный присутствием кавалеристов, раскрывает присущие ему женские свойства: он «уподобляется покоренной женщине», поэтому сюжет повести «...таит в себе неожиданную возможность эротики»⁴³. Признаком маскулинизации пространства служат усы⁴⁴, которые были «...видны на всех местах» (III, 178). Однако в гоголевской *шутке* «нет даже покорения женского сердца...»⁴⁵. Офицеры действительно нарушают сонное существование городка Б., где обычно «...ни души не встретишь» (III, 177), чтобы разбудить его обитателей, имевших обыкновение спать «решительно весь день: от обеда до вечера и от вечера до обеда», для игры «в банчик» (III, 179) и других подобных занятий. Но они не обнаруживают каких-либо эротических притязаний, ограничивая свои желания карточной игрой, обедами и выпивкой; именно в этом смысле они и *оживили* провинциальное общество. Намек же на эротические подвиги Чертокуцкого, которого «видали на многих балах и собраниях, где только кочевал их полк», о чем «можно спросить у девиц Тамбовской и Симбирской губернии», касается мифического прошлого героя, распускавшего по губерниям «выгодную для себя славу» (III, 179).

Жизнь в городке Б. по-прежнему сохраняет качество бессобытийности, а все перемены сводятся к повторению других картин городской жизни («Соберутся ли на рынке с ковшиками мещанки, из-за плеч их, верно, выглядывают усы» – III, 178), других разговоров («о производстве, об отличнейшем табаке...» – III, 178) и других действий («Окружные помещики... начали приезжать почаше в уездный городок, чтобы видеться с господами офицерами...» – III, 179). Символом движения по кругу, то есть отсутствия изменений, оказываются *полковые дрожки*: «...сегодня катался в них майор, завтра они появлялись в поручиковой конюшне, а чрез неделю, смотри, опять майорский денщик подмазывал их салом» (III, 178).

Тамбов как место действия также наделен женскими чертами; феминизация городского пространства выступает здесь формой его мифологизации. Въезд в город уланского полка воспринимается как завоевание города-женщины, жаждущего, чтобы его поскорее покорили:

Услыша ласковое ржанье
Желанных вороных коней,
Чье сердце, полное вниманья
Тут не запрыгало сильней? (2, 413).

Между тем и полковник, и генерал, и вообще уланы остаются в стороне от движения сюжета; не оправдывается и предположение насчет *блестящего бала*. В центре интриги оказывается тривиальная, казалось бы, ситуация любовного треугольника, получающая нетривиальную интерпретацию. Взаимоотношения героев поэмы, казначея Бобковского, его жены и улана Гарина, соответствуют, как выясняется, не столько шаблонной фабульной схеме, сколько природе мифологического места, каким предстает провинциальный Тамбов.

Как в «Коляске», так и в «Тамбовской казначейше» ощутимым становится характерное для провинции «...“давление” места на сценарии и на роли, то есть давление *места на сюжет*»⁴⁶. Герои повести и поэмы прохо-

дят испытание местом; так проверяется их тождество роли, привычной для избранного ими или уготованного им жизненного сценария.

Мифологическому статусу городка Б. соответствует мифологизированная биография Чертокуцкого, служившего «прежде в одном из кавалерийских полков», но вышедшего «в отставку по одному случаю, который обыкновенно называют неприятною историею: он ли дал кому-то в старые годы оплеуху, или ему дали ее, об этом наверное не помню, дело только в том, что его попросили выйти в отставку» (III, 179).

В черновой редакции повести встречаются такие варианты фамилии героя, как Крапушкин (III, 467) и Крапун (III, 468), откровенно намекающие на шулерские черты характера, то есть пристрастие к нечистой игре, возможно, и послужившее причиной отставки. Скрытые намеки сохраняются и в окончательной редакции, хотя и приобретают комический оттенок. Ср. утверждение героя, что он «заплатил» за коляску «четыре тысячи», с последующим заявлением, что он «выиграл ее» у своего друга «в карты» (III, 183). На обеде у генерала Чертокуцкий, игравший в вист, «очень помнил, что выиграл много, но руками не взял ничего...» (III, 185). Чертокуцкому словно суждено играть роль мнимого шулера, постоянно попадающего в разного рода *неприятные истории*.

А вот уделом и главным занятием героя лермонтовской поэмы, старого казначея, была именно карточная игра; шулерство служит источником доходов казначея, чьи действия превращают азартную игру в подобие опустошающей все вокруг эпидемии⁴⁷.

Его крапленые колоды
Не раз невинные доходы
С индеек, масла и овса
Вдруг пожирали в полчаса (2, 414).

Привыкший к роли провинциального демона, уверенного в своем шулерском могуществе, казначей, необъяснимо проигрывая все «дотла» (2, 429), уподобляется анекдотическому глупцу.

Он взбесился –

И проиграл свой старый дом

И все, что в нем или при нем (2, 429).

Ср. анекдотические сказки «о “глупых” жителях определенной местности», чьи «алогичные, абсурдные действия иногда приводят к разрушительным последствиям»⁴⁸. Подобным жителям тождествен и Чертокуцкий, фамилия которого, кстати, не просто указывает на его связь с чертом⁴⁹, но вызывает ассоциации, имея в виду глупые поступки героя, с *глупым чертом*⁵⁰.

Гоголевский герой «...носил фрак с высокою талией на манер военного мундира, на сапогах шпоры и под носом усы, потому что без того дворяне могли бы подумать, что он служил в пехоте, которую он презрительно называл пехтурой, а иногда пехонтарией» (III, 179–180). Экипировка Чертокуцкого обнажает доведенные до анекдотического абсурда историко-психологические мотивы его поведения, объясняемые высоким статусом военной службы в русском обществе⁵¹. Пародийный демонизм Чертокуцкого, стремящегося казаться и выдать видимость за сущность, имеет латентный характер и выражается не прямо, но в значимой комбинации черт внешности, характера и поведения; столь же пародийной оказывается и его военная статья.

Гарин, этот «идеал девиц», имевший «взор пылкий, ус довольно черный» (2, 416), изображен у Лермонтова и как «обыкновенный фат»⁵², и как пародия на героя лирической поэмы с ее «серьезным стилем»⁵³. Он выведен в поэме как тип повесы, чьи уже первые шаги в Тамбове вполне оправдывают присущую уланам репутацию покорителей женских сердец; прежде всего он озабочен поиском любовной забавы.

Спешил о редкостях Тамбова
Он у трактирщика узнать.

<...>

Но занял более всего
Мысль беспокойную его
Рассказ о молодой соседке (2, 418).

Мифологическому месту, где главной *редкостью* оказывается жена казначея, *молодая соседка* повесы-улана, соответствует в «Тамбовской казначейше» мифологизирующая функция топонимов.

Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин» (2, 411).

В мифологической топографии Тамбова трактир «Московский» (= гостиница «Московская») ⁵⁴ наделяется значением, диктуемым его говорящим названием: он замещает в русском провинциальном пространстве столичный город ⁵⁵. Не случайно именно первый из двух трактиров играет в поэме важную для ее сюжета роль в смысле оппозиции 'столица/провинция'. Гарин, поселившись в этом трактире, словно метонимически совмещается со *столичным* локусом, диктующим герою жанр и стиль поведения ⁵⁶.

В «Коляске» провинцию завоевывают не военные, а столичные моды. Чертокуцкий употребляет «капитал» на «вызолоченные замки к дверям, ручную обезьяну для дома и француза дворецкого» (III, 180), а жена его носит «спальные башмачки, которые супруг ее выписал из Петербурга...» (III, 186). Герою потому и удается сыграть роль *соблазнителя* по отношению к генералу (а заодно и к «господам офицерам»), что тому «давно хочется иметь нынешнюю коляску»: «Я писал об этом к брату моему, который теперь в Петербурге, да не знаю, придет ли он или нет» (III, 182).

Дом казначея, что существенно для развития событий, располагался как раз

Против гостиницы «Московской»,

Притона буйных усачей (2, 413).

Гарин же, которого так тронула участь *молодой соседки*,

В трактире номер занимал

Окно в окно с ее уборной (2, 416).

Из окна гостиницы Гарин наблюдает за казначейшей и как военный, собирающийся пленить противника, и как *приезжий из столицы*⁵⁷, функция и репутация которого совпадают в провинциальном мире с функцией и репутацией военных. Расположение двух локусов, трактира-гостиницы и дома казначея, актуализирует свойственное окну значение «опасного входа в дом»⁵⁸; взгляд из окна в окно приобретает в поэме метафорический смысл завоевания города и вторжения столицы в провинцию.

Для сюжета «Коляски», герой которой, забыв о приглашении им «господ офицеров» на обед, «спал мертвецки» (III, 187), принципиально важной оказывается сказочная способность военных *оживлять* (пробуждать от мертвого сна). Чертокуцкого же *оживили* от мертвого сна для того только, чтобы с ним вновь, как это уже было во время его службы в одном из кавалерийских полков (все в провинциальном мире движется по кругу), случилась *неприятная история*. Недаром накануне визита офицеров, закончившегося для него конфузом, Чертокуцкий «...привез в усах своих два репейника» (III, 185).

Казначей, будучи игроком, посылает Гарину не вызов на дуэль, но приглашение «на вистик» (2, 426); выбор карт как оружия в поединке с соперником усиливает роль непредсказуемости и в судьбе героев, и в судьбе сюжета поэмы⁵⁹, приближая развязку столь же *нежданную*, что и развязка гоголевской повести. Ср.: «Анекдотический сюжет в “Коляске” вопреки ожиданиям читателей ничем не разрешается, тогда как в “Тамбовской казначейше” неожиданность развязки и предшествующего ей ожидания дуэли должны удивить читателя, но по-другому, чем у Гоголя»⁶⁰. Однако сюжет «Коляски» разрешается посрамлением Чертокуцкого с его

глупым *шулерством*; сюжет «Тамбовской казначейши» завершается действительно *по-другому*.

Непостижимым «злодейством», возможные последствия которого вызывают у окружающих «страх» и «ужас», выглядит просьба проигравшегося казначея

Лишь талью прометнуть одну,
Но с тем, чтоб отыграть именье
Иль «проиграть уж и жену» (2, 430).

Трактовка эпизода, в котором видят обычно «...трагические поползновения быта – превращение живого человека в вещь, которую можно проиграть в карты»⁶¹, упускает из виду комический стиль поэмы. В соответствии с этим стилем казначей именно таким *демоническим* способом посылает вызов судьбе, желая вновь испытать свою силу игрока, привычно полагавшегося на «томный взор», который посвященная в «тайнства науки» супруга бросала на «влюбчивого понтера» (2, 415).

Недолго битва продолжалась;
Улан отчаянно играл;
Над стариком судьба смеялась –
И жребий выпал... час настал... (2, 431).

Если поведение казначея оборачивается самоодурачиванием и выглядит абсурдным казусом⁶², то улану удачно выпавший *жребий* приносит желанный трофей.

Ее в охапку
Схватив, с добычей дорогой,
Забыв расчеты, саблю, шапку,
Улан отправился домой (2, 431).

Гаринской *добычей* становится не только казначейша, но и «город сонный» (2, 419), не предполагавший, что поступок улана так *оживит* бессобытийную провинциальную жизнь.

Поутру вестью забавной
Смущен был город благонравный (2, 431).

Так образ реального города, где Гарину удалась роль *завоевателя* и *приезжего из столицы*, обнаруживает свойства мифологического места, скрытое и явное «давление» которого довелось испытать на себе и героям поэмы, и ее сюжету.

И вот конец печальной были,
Иль сказки – выражусь прямой (2, 432).

Рассказанная в поэме история оказывается «сказкой», то есть выдумкой, причем сказкой анекдотической; правда, не только быль, но и анекдот претендует, как известно, «...на действительность рассказываемого случая»⁶³.

Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали действия? страстей?
Повсюду нынче ищут драмы,
Все просят крови – даже дамы (2, 432).

Однако «сказка» не знает ни «страстей», ни «драмы», ни «крови»; к тому же, читатели были предупреждены, что им предстоит выслушать именно «сказку». События, составившие ее сюжет, потому и привели к *нежданной развязке*, что развернулись в мифологизированном пространстве провинциального города, словно самой *судьбой* и выпавшим ему *жребием* предназначенного для того, чтобы подобная анекдотическая история именно в таком *славном городке* и произошла.

¹ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. II. М., 1953. С. 179–180.

² *Фрик Т.Б.* «Гоголевский текст» в журнале А.С. Пушкина «Современник» // Гоголь и время. Томск, 2005. С. 109.

³ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. III. М., 1953. С. 57.

⁴ *Белоусов А.Ф.* Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 460–461.

⁵ Цитируется перевод написанного по-французски письма Лермонтова М.А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г. (*Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. IV. Л., 1981. С. 408).

⁶ Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 308.

⁷ Об истории публикации и истории текста «Тамбовской казначейши» см. подробно: *Найдич Э.Э.* Примечания // *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. 3-е изд. Т. 2. Л., 1989. С. 643–644. (Б-ка поэта. Большая серия). Ср.: *Мануйлов В.А.* «Тамбовская казначейша» // *Лермонтовская энциклопедия.* М., 1981. С. 561–562; *Вацуро В.Э.* Цензура // Там же. С. 608.

⁸ *Белоусов А.Ф.* Указ. соч. С. 458.

⁹ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. III. [М.; Л.], 1938. С. 177. Далее цитаты приводятся в тексте по этому изданию с указанием тома римскими, а страниц арабскими цифрами.

¹⁰ *Белоусов А.Ф.* Художественная топонимия российской провинции: к интерпретации романа «Город Эн» // *Первые Добычинские чтения.* Даугавпилс, 1991. С. 9.

¹¹ *Серман И.З.* Михаил Лермонтов: Жизнь в литературе: 1836–1841. 2-е изд. М., 2003. С. 210.

¹² Ср.: «“Провинцией” в полном смысле этого слова в русской литературе является именно провинциальный город...» (*Казари Р.* Русский провинциальный город в литературе XIX в. Парадигма и варианты // *Русская провинция: миф – текст – реальность.* М.; СПб., 2000. С. 164).

¹³ *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. 3-е изд. Т. 2. Л., 1989. С. 411. (Б-ка поэта. Большая серия). Далее цитаты приводятся в тексте по этому изданию с указанием тома и страниц арабскими цифрами.

¹⁴ *Пумпянский Л.В.* Лермонтов // *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 612.

¹⁵ Там же. С. 630.

¹⁶ Там же. С. 631.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Найдич Э.Э.* Указ. соч. С. 644.

¹⁹ *Серман И.З.* Указ. соч. С. 212.

²⁰ О роли семантического следа, остающегося в художественной памяти автора, см.: *Смирнов И.П.* Порождение интертекста. 2-е изд. СПб., 1995. С. 125–126.

²¹ *Вацуро В.Э.* «Моцарт и Сальери» в «Маскараде» // *Вацуро В.Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 274.

²² *Белоусов А.Ф.* Символика захолустья... С. 457.

²³ Ср.: *Белоусов А.Ф.* Художественная топонимия российской провинции... С. 11–12.

²⁴ *Падерина Е.Г.* «Фигура фикции» как жанрообразующий элемент «Коляски» Гоголя // *Жанрово-стилевое единство художественного произведения.* Новосибирск, 1989. С. 46. См. также: *Гитин В.* «Коляска» Гоголя: некоторые особенности поэтики анекдота // *Н.В. Гоголь: Проблемы творчества.* СПб., 1992. С. 61.

²⁵ Ср.: *Мелетинский Е.М.* Историческая поэтика новеллы. М., 1990. С. 27–28.

²⁶ *Строганов М.В.* Две заметки о локальных текстах // *Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты.* М., 2004. С. 483.

²⁷ См.: *Строганов М.В.* А была ли провинция? Может, провинции-то и не было? // *Отечественные записки.* 2006. № 5. С. 240.

²⁸ *Строганов М.В.* Две заметки о локальных текстах. С. 484.

²⁹ Там же.

³⁰ *Цивьян Т.В.* Интерьер петербургского пространства в «Пиковой даме» Пушкина // *Slavica tergestina.* Вып. 8. Художественный текст и его гео-культурные стратификации. Trieste, 2000. С. 192.

³¹ *Эйхенбаум Б.М.* Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки // *Эйхенбаум Б.М.* О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 245.

- ³² «Мгновенное переключение в финале эмоционально-психологических регистров и есть закон пуанты в анекдоте» (*Курганов Е.* Анекдот как жанр. СПб., 1997. С. 31).
- ³³ *Серман И.З.* Указ. соч. С. 211.
- ³⁴ *Мелетинский Е.М.* Указ. соч. С. 19.
- ³⁵ [*Белоусов А.Ф.*] От составителя // Жанры словесного текста. Анекдот. Таллинн, 1989. С. 7.
- ³⁶ См.: *Мелетинский Е.М.* Указ. соч. С. 18–29.
- ³⁷ *Клубкова Т., Клубков П.* Русский провинциальный город: стереотипы и реальность // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 262.
- ³⁸ *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 396.
- ³⁹ *Зингерман Б.* Образ русской провинции в творчестве Гоголя (Цитаты и комментарии) // Мир русской провинции и провинциальная культура. СПб., 1997. С. 17.
- ⁴⁰ *Казари Р.* Провинциальная пустыня. Военные в провинции в русской литературе XIX в. // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000. С. 172.
- ⁴¹ *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 392.
- ⁴² См. о семантике слова «оживление»: Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. М., 1983. С. 599–600.
- ⁴³ *Зингерман Б.* Указ. соч. С. 12, 13.
- ⁴⁴ Усы составляли значимую примету гусаров и уланов, которые «были разновидностью легкой кавалерии» (*Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. 4-е изд. М., 2001. С. 123).
- ⁴⁵ *Казари Р.* Указ. соч. С. 175.
- ⁴⁶ *Цивьян Т.В.* [Выступление] // Провинция: поведенческие сценарии и культурные роли: Материалы «Круглого стола». М., 2000. С. 9 (курсив цитируемого автора).
- ⁴⁷ Ср.: «Нечестная игра сопутствовала азартным играм с самого начала их распространения. Однако в 30–40-е годы она превратилась в подлинную эпидемию» (*Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 159).
- ⁴⁸ *Мелетинский Е.М.* Указ. соч. С. 19.
- ⁴⁹ См.: *Золотуский И.П.* Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М., 1987. С. 173. Ср.: *Гитин В.* Указ. соч. С. 76.
- ⁵⁰ См. об изображении глупого черта в ранних произведениях Гоголя: *Манн Ю.В.* Указ. соч. С. 24–25.
- ⁵¹ См.: *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 24–27.
- ⁵² *Кормилов С.И.* Поэзия М.Ю. Лермонтова. 3-е изд. М., 2000. С. 104.
- ⁵³ *Эйхенбаум Б.М.* Указ. соч. С. 245.
- ⁵⁴ «Трактиры представляли собой относительно дешевые рестораны, нередко объединенные с гостиницей» (*Федосюк Ю.А.* Указ. соч. С. 227).
- ⁵⁵ Москва как «естественная» столица русской земли» сохраняет и после переноса столицы в Петербург «статус “столичного города”» (*Щукин В.Г.* Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. С. 510, 522).
- ⁵⁶ См. о связи места и поведения и о метонимическом совмещении человека с местом: Там же. С. 182–184, 467.
- ⁵⁷ Устойчивый мотив «столичный житель в провинции или, говоря цитатным языком, приезжий из столицы» «...касается распространенного в литературе типа взаимодействия мужского и женского персонажей» (*Строганова Е.Н.* Провинциалы и провинциалки в русской литературе XIX века // «Во глубине России...»: Статьи и материалы о русской провинции. Курск, 2005. С. 40).
- ⁵⁸ *Цивьян Т.В.* Интерьер петербургского пространства... С. 195.

⁵⁹ Ср. *Лотман Ю.М.* «Пиковая дама» и тема карт и карточной игр в русской литературе начала XIX века // *Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. II.* Таллинн, 1992. С. 404.

⁶⁰ *Серман И.З.* Указ. соч. С. 213.

⁶¹ *Максимов Д.Е.* Поэзия Лермонтова. М.; Л., 1964. С. 90. Ср.: Лермонтову «удалось показать драматизм обыденной жизни», где происходит превращение «человека в вещь» (*Мануйлов В.А.* Указ. соч. С. 561).

⁶² Ср.: *Мелетинский Е.М.* Указ соч. С. 27.

⁶³ *Курганов Е.* Указ. соч. С. 10.